

Антон Серебряков

ИСИДА

Антон Серебряков

Исида

«Издательские решения»

Серебряков А.

Исида / А. Серебряков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964063-5

Нет счастливее в жизни мгновения, когда вырванное перо любви из алого хвоста жар-птицы, так искренне греющее сердце, начинает остывать. Тогда тебе только остаётся благодарить небеса за порывы их судьбоносных ветров.

ISBN 978-5-44-964063-5

© Серебряков А.
© Издательские решения

Исида

Антон Серебряков

© Антон Серебряков, 2019

ISBN 978-5-4496-4063-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чем же так художник беден? Скупостью красок на голой палитре, а может дырявым холстом, ненароком пробитым ветхой кистью? Или возможно слепость при отсутствии света дневного строит ему козни, запрещая работать воображению? Да и к чему эти глупые, несуществующие в материальном виде фантазии того бедного художника, когда он пишет вечерний пейзаж? Совсем ни к чему, скажите вы. Однако услышь такое Николай Всеволодович Карельников, молодой художник двадцати трёх лет, проживающий по адресу: Старый город, дом 17/2, напротив квартиры одинокого, пожилого музыканта (который собственно и являлся ему единственным другом и соратником искусства) вздрогнул бы, испытав жуткое потрясение. И вероятнее всего, исходя из зажигательного, сродни пороху, характера Николая Всеволодовича, закончился бы такой разговор, впрочем, как и всегда – дракой. И всё по-новому; стражи в серых, непритязательных мундирах, на ещё менее привлекательном транспорте; несколько дней в запертом, смердящем гадкой плесенью помещении с решёткой на отверстии, что не без иронии юмористы в погонах называют окном; и как следствие – домашний арест. Я бы не стал выписывать Николая Всеволодовича как хулигана и задиру, тут было бы под стать упомянуть сомнительную череду случайностей, переставшую быть таковой уже после третьего инцидента, но один немаловажный факт из его биографии, который поможет автору раскрыть, а читателю понять сердце бедности нашего художника, кроется именно в этих не редких визитах, где вечно пахнет табачным угаром и практически невозможно отличить злодея от человека представляющего органы власти, если второй будет облечён в гражданскую форму. Подсчитав количество административных нарушений, в числе которых была и отбитая пряжка правой туфли у памятника Михаила Юрьевича Лермонтова, несколько уголовных дел по прецеденту злостного хулиганства и причинения лёгких и средних телесных повреждений потерпевшим, диву даёшься, как молодой Карельников до сих пор наслаждается свободой. Не нужно сейчас предаваться разгадке этой «великой тайны», потому как оно не стоит даже рождения вашей мысли. Всё куда до боли проще, как и в целой вертикали власти. К счастью или же к сожалению для самого Николая Всеволодовича (в выявлении его творческих качеств) мать нашего художника являлась главой районного отделения полиции города N*.

Как уже было мною сказано, мать Николая Всеволодовича, начальник отдела полиции, подполковник Миклашевская, не шибко жаловала собственного сына. И сему виной были не только семейные распри, или открытое презрение парня к расширенным полномочиям власти (отсюда и страсть к нарушению общественного порядка), и за неимением фаворитизма у Марфы Никитичны (матери Николая) аспекта утилитарного увлечения сына живописью. Ни в коем случае не хотелось бы кляузничать, но совсем ничего не сказать о той вражде между ними, было бы не честно. Нет, не подумайте чего хорошего, горкой ненависти там не наблюдалось, как и любовь, по большому счёту, эти не простые отношения обходила стороной. Единственным материнским долгом, Марфа Никитична, для себя считала покровительство над сыном в её личной сфере деятельности, (смирение со взглядами Николая было очевидным) а так же обеспечения примитивного крова, естественно отдельно, в качестве однокомнатной квартиры в районе Старого города N*. Ссоры, хотелось бы отметить, в этой небольшой семье

были редкостью из-за допущенного минимума их встреч. Само собой разумеющееся, такие взаимоотношения между матерью и сыном, могут и должны показаться первобытной дикостью, для людей воспитанных по всем нравственным законам, но следует добавить, что именно такие условия были приемлемы для их совместного сосуществования, называясь при этом семьёй. Стоит, вероятно, поведать, заинтересованного этим рассказом вольнодумца взявшего, наконец, в руки сию книгу, немного о самой Марфе Никитичне. Женщиной, как впрочем, и начальником она была очень строгой и непримиримой. Её острое «нет» наводило ужас, как на подчинённых, так и на личное окружение. Весьма педантична, цепка умом и куда более прихотлива к жизненным обстоятельствам, нежели кто-либо стоявший на одной из ступеней власти. Для того, чтоб фраза эта стала несколько прозрачней... (дескать всё для того же вольнодумца) Марфу Никитичну не редко замечали в богемных ресторанах в центре высшей знати, в роскошных вечерних платьях не похожими друг на друга и с странно издающими радужный блеск камнями на шее. «От жизни нужно брать всегда и всё, – твердила Марфа Никитична – тем более, когда она сама тебе это всё предоставляет». Что пошатнуло нравственную составляющую её сердца, приходится только гадать, но обозвать со всей прозрачной честностью эту женщину кладезем добродетели было бы как минимум странно. Дом же, в котором проживала подполковник Миклашевская, несмотря на его одноэтажность, был уж слишком велик для неё одной с двумя старыми питбулями, горничной и садовником обитавшими там же в пристроенном флигеле отдалённо походившим на языческое капище. Всё это было описано только для того, дабы показать её меры воспитания сына, поселив его в чахлой однушке, в рассыпающемся районе Старого города. Уверенность в собственной педагогике Марфы Никитичны заключалась лишь в том, что поживи ретивый Коля, привыкший к должному уходу, домашнему уюту, а так же к изобилию домашнего пира, несколько месяцев в собственно выбранном гетто, примчит в родное гнездо обновлённым человеком. Но шли недели, месяцы и вот уже год, а упрямото, хотя может быть и необходимость свободы для Николая, только крепчала.

Жил он в действительности бедно. И мог по праву называться (в материальном понимании конечно) самым бедным художником изобразительного искусства. Николай Всеволодович был самородком и весьма одарённым самородком, писавшим, совсем не дурно, скажу я вам, городские пейзажи. В его холодных четырёх углах не было ровным счётом ничего кроме: сеточной кровати, на которой он со временем заработал сколиоз, деревянного стола, двух стульев, примитивной кухонной утвари, фикуса на грязном подоконнике, красок, мольберта, и пожухлой репродукции Эдварда Мунка с его «Криком». Короче говоря, всё, что находилось в квартире Карельникова, представляло ценность только для него самого.

Первые краски, заметив увлечение и, что куда весомее, способности юного Коли, мальчику подарил его любящий отец. Николаю Всеволодовичу, к превеликому сожалению, посчастливилось держать отца за палец во время долгих прогулок, всего лишь до второго класса средней школы. Страшная болезнь, которую автор едва ли сможет написать, а Николай выговорить, вручила билет Всеволоду Валерьяновичу на мчащийся экспресс с отметкой «бесконечность». Но, не беря во внимание их столь короткое знакомство, Николай Всеволодович бережно хранил каждый пазл детских воспоминаний из нескольких картин в своём чувственном сердце. Ему тогда казалось, что в целом мире больше не найдётся такого человека, которого Николай смог бы полюбить так же крепко. Ох, как он тогда ошибался...

К своим двадцати трём годам Карельников уже успел написать несколько десятков картин, большинство из которых уничтожали и без того скудное пространство его квартиры. Однако всё же, что-то и продавалось. Правда этих денег, увы, едва хватало на бумагу, оплату половины стоимости снимаемой квартиры и на ужин, утолявший его голод всего на несколько часов. Свои уличные выставки, Николай Всеволодович организовывал сам, ввиду крайней необходимости заполнения своих карманов шуршащими купюрами. Не целесообразно будет огорчаться, рассматривая в молодом художнике сухую серость коммерции. Он писал, писал

вопреки неудачам, писал, не смотря на бездушных ценителей искусства проходящих мимо. И совсем не так, какие были у него в знакомых, художники, не притрагивающиеся к кисти до тех пор, пока не продадут написанного. Он писал, словно его что-то жгло изнутри, не давая уснуть затмевая любые неурядицы жизни летающие крикливыми воронами над головой, всё заставляя художника вновь разводить палитру вглядываясь в белоснежный холст. И этот синий пламень, тот самый, так палящий его душу вовсе не был правящей рукою и проведением на пути просвещения. Все года осознанного существования это «что-то» требовало от художника самовыражения. Сказать, что Николай Всеволодович был человеком импульсивным, было бы не верно, хотя давая по тянущимся рукам старому, доброму лукавству... Во время работы над очередной картиной из жизни города N*, пару раз к ряду он таки брался за конвертный резак, при непреодолимом желании перевести уже им созданное. За всем тем остывал, начиная любоваться изяществом собственной кисти, клал нож рядом с пышным фикусом и продолжал работу. Эти всплески его внутреннего Я, наверное, единственное, что не поддавалось контролю.

Работалось ему всегда, как свет горит, просто и непринуждённо. Ежели он наблюдал сходство между сюжетами своих картин, он тотчас же (несомненно, припомнив при этом Шекспира) изменял или добавлял определённое количество незначительных на первый взгляд деталей и представлял миру совершенное искусство. Лучше всего Николаю Всеволодовичу писалось под музыку, что часто и непрерывно разливалась по другую сторону квартирной стены у пожилого музыканта, о ком уже поминалось несколько ранее. Художник без устали любил эти минуты. Рука сама находила нужные тропы по бездонному холсту, словно танцует под венский вальс Шопена, так полюбившийся Николаю. Он закрывал глаза, он переставал дышать, позволяя лишь кисти, своею шевелюрой выписывать тонкие грани осеннего листа. Это был великолепный синтез двух бьющихся сердец искусства чувствующий планету. Когда музыкант закрывал крышку своего рояля и Николай Всеволодович набрасывал на мольберт замыганный лоскут, тогда они собирались вместе, как правило, в квартире музыканта за беседой и терпким бергамотовым чаем.

– Разрешите, Аристарх Степанович? – Николай не спеша приоткрыл соседскую дверь своего ближайшего соратника и друга, удерживая в одной руке не большой свёрток с ароматными пряниками.

– Да, Николай Всеволодович, конечно, проходите! – донеслось из другой комнаты. Квартира музыканта была куда просторнее. Николай Всеволодович насчитал там аж четыре отдельных комнаты, не беря во внимание кухни и санузла.

Аристарх Степанович Дубов, профессор N*–ской академии искусств, шестидесяти двух летний пожилой человек, так же как и наш художник проживал один, не имея, супруги и детей. Ещё в глубоком детстве ему не посчастливилось получить непоправимую травму, лишившую навсегда его зрения. Но это не стало для него преградой в достижении карьерных высот и осуществлении заветной мечты. На его счету числилось огромное количество сонат, более десятка симфоний, бессчётные концерты и всего того, что способен выдать человек с помощью рояля. Произведения Аристарха Степановича уже изучали и разбирали по скверно поющим классам музыкальных школ и высших заведений. И на устах у интеллигенции, пусть и еле слышно звучало: «Классик современности». Аристарх Степанович без меры любил молодёжь и пряники, от того и отдал себя преподавательской работе.

– Пройдите, проходите Николай. В зал проходите, там веет прохладой. Чайник только вскипел. – Прозвучал хриплый голос хозяина.

– За столик? – задал риторический вопрос Николай и не дожидаясь ответа, который всё же прозвучал из уст Дубова, сухим и коротким «да», занял своё место в широком, буром кресле напротив окна, созерцая переодевающийся тополь.

– Наконец у нас в гостях наша с вами любимая пора, не правда ли, Николай Всеволодович? – Аристарх Степанович аккуратно поставил на круглый низкий столик поднос с двумя чашками и парующим чайником, присев при этом напротив своего юного друга.

– Да, вы как всегда правы, Аристарх Степанович, как всегда. Осенью и дышится мягче и работается слаще. – Несколько заерзавши, сказал Николай.

– Как там наш тополь? Нет, нет, нет, что вы. Отдыхайте, вы у меня в гостях. Я сам. – Вдруг залепетал Аристарх Степанович, будто бы его застали за чем-то неприличным, услышав как Николай потянулся к чайнику, – вы только чашки ко мне пододвиньте.

– Тополь? – снова обратил внимание художник на дерево за окном, – Уже набросил на плечи жёлтый шарф. – Сказал Николай Всеволодович.

– Э-э-э, как вы красиво сказали. Будто поэт. Что вы сейчас пишете, позвольте полюбопытствовать?

– За большие работы пока не берусь, знаете ли. Несколько этюдов и только. – отхлебнул Николай чая протягивая пряник музыканту, тот же лишь пару раз потянув носом знакомый и любимый запах раскрыл ладонь.

– Мои любимые... – произнёс Аристарх Степанович с удовольствием ребёнка, которому вручили сладкую вату, – с начинкой?

– А то как же? – Улыбнулся Николай.

– Именно поэтому, что работается слаще, как вы точно только что подметили, я и беру отпуск на пару месяцев только осенью.

– Так вас можно поздравить с отпуском, Аристарх Степанович?

– Спасибо. Стоит, мне кажется отдохнуть, от этих оголтелых студентов, некоторое время, да им от меня тоже, правду говоря. – Аристарх Степанович вдруг повернул голову налево, будто что-то услышал не привычное, но после нескольких секунд вернувшись в исходное положение продолжил:

– Правда, никто в здравом уме не отпускает преподавателя в отпуск накануне начала учебного года, но... – по-мальчишески приподнял музыкант правое плечо, – Я на особом счету. – Они засмеялись. – К тому же я ещё и не плохой лжец, чтоб вы знали.

– Это вы что имеет ввиду, Аристарх Степанович? – насупил брови Николай.

– Ай! – отмахнулся Дубов, – прикинулся я, что в связи с началом сентября у меня быстро скачет давление, кости ломит, хвост отваливается и трудно добираться до работы, ну и всё в таком духе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.